

Усыновлённые российские дети в Новой Зеландии

Елена Викторовна Рудникова,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: elena.rudnikova@mail.ru

За 1992—2013 гг. новозеландцы усыновили около тысячи российских детей, все из которых были воспитанниками детских домов и специализированных интернатов. Главная цель исследования — создание объективной картины процесса усыновлений из РФ в Новой Зеландии и описание его участников. Одной из приоритетных задач является характеристика произошедших трансформаций в этнокультурной идентичности данной категории мигрантов. Делается вывод о том, что все изменения были обусловлены степенью изоляции детей — полной или частичной — от российской культурно-языковой среды. При этом большое значение имели стратегия поведения приёмных родителей и возраст ребёнка на момент усыновления.

Признаётся неизбежным прохождение в подростковом периоде ситуации конфликта этнокультурных идентичностей. Выявляется, что снижению степени его остроты способствовало поведение тех новых родителей, которые сохраняли русское имя ребёнка, сообщали ему о факте усыновления, помогали в поиске биологических отца и матери, поддерживали его знание родного языка и интерес к российской культуре, способствуя посещению курсов русского языка и этнических мероприятий, организованных иммигрантами из России.

Выводы проиллюстрированы конкретными историями усыновлений. В работе использованы данные и результаты зарубежных исследований, разнообразная информация, опубликованная в новозеландских СМИ в 1990—2015 гг., полевые материалы автора за 2010—2011 гг.

Ключевые слова: русские иммигранты, Новая Зеландия, международное усыновление, усыновлённые российские дети, приёмные дети, приёмные семьи.

Adopted Russian children in New Zealand.

Elena Rudnikova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru.

During 1992—2013, New Zealanders adopted about one thousand Russian children who were foster children at orphanage and care homes. The main aim of the research is the creation of objective picture of the adoption process from the Russian Federation to New Zealand and description of its participants. One of primary objectives is the characteristics of transformations in ethnocultural

identity of this category of migrants. It is concluded that all changes were determined by the isolation degree of children — full or partial — from Russian cultural and language environment. Besides, a strategy of behaviour of foster parents and the age of a child during adoption were of crucial importance.

It is admitted that there is a conflict situation of ethnocultural identities during juvenile period. It is revealed that the decrease of the conflict degree was favoured by those new parents who kept a Russian name of a child, informed him about the fact of adoption, helped him to search a biological father and mother, supported his knowledge of the Russian language and the interest towards Russian culture by attending the Russian courses and ethnic activities organized by Russian immigrants.

The conclusions are illustrated by *real life* stories of adoptions. The work bases on data and results of foreign studies, various information published in the New Zealand press in 1990—2015, field studies of the *author for* 2010—2011.

Keywords: Russian immigrants, New Zealand, international adoption, adopted Russian children, foster parents, foster-families.

Одним из следствий распада СССР стало увеличение на постсоветском пространстве численности детей, оставшихся без попечения родителей. В России до 2009 г. ежегодно было в среднем 10—11 тыс. отказов от детей, многие из которых прошли через систему государственных учреждений. Например, на 1 января 2009 г. каждый пятый ребёнок находился в детском доме или интернате (151 771 чел.) [6]. По данным UNICEF, в 2012 г. в РФ без попечения родителей оставалось около 740 тыс. детей [36]. В большинстве зарубежных СМИ, в том числе и новозеландских, обращающихся к темам международного усыновления, до сих пор упорно циркулирует цифра в 800 тыс. детей, бедствующих в детских домах нашей страны. Но в 2014 г., по официальным российским данным, там находилось 61 621 чел. Очевидно, что в последние десятилетия государственная политика в отношении материнства и детства действительно способствует уменьшению численности воспитанников в детских домах и интернатах. Однако ситуация в целом не становится менее драматичной: подобные заведения не являются тем местом, где ребёнок должен находиться длительное время.

Российские дети были объектом международного внимания ещё до формального распада СССР. Но особенно высокой доля иностранных усыновлений⁴ стала к концу первого постсоветского десятилетия. В 2004 г., например, из 24 770 усыновлений 38% были иностранными. В 2005 г. в приёмные семьи за рубеж уехало 6904 чел., в 2006 г. — 6689 чел., а с 2007 г. наметилась тенденция к снижению (4536 чел.). Наибольшее количество

⁴ Обычно термин «усыновление» применяется по отношению к лицам мужского пола, а «удочерение» — женского. Но поскольку отличия в самой процедуре между усыновлением и удочерением отсутствуют, в настоящем исследовании термин «усыновление» применяется к лицам обоего пола.

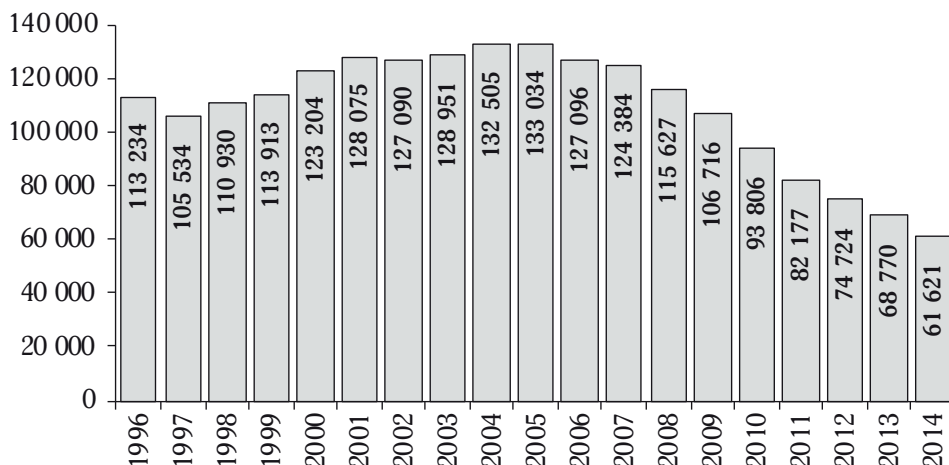

Рис. 1. Численность детей в РФ, оставшихся без попечения родителей в 1996—2014 гг. и находящихся в детских домах и интернатах [1]

усыновлений на протяжении многих лет приходилось на США, Испанию, Италию (эти государства лидировали до 2010 г. [1]), а также на Францию и Германию. Возраст детей на момент усыновления — один из главных факторов, определяющих их социальное и культурное благополучие в дальнейшем. Чем младше ребёнок, тем легче он адаптируется в новом обществе. Это ясно осознавали и иностранные приёмные родители, отдававшие предпочтение детям от года до семи лет [1].

По данным ООН, в 2009 г. Новая Зеландия по количеству зарубежных усыновлений была на 16 месте в мире [19, р. 6]. Внешние усыновления в этой стране начались со Второй мировой войны. В 1944 г. сюда вместе с сопровождающими лицами въехало 755 польских детей, в их числе были не только сироты, но и те, кто потерял контакты с родными в военное время. В 1949—1954 гг. новозеландцы приняли около 600 британских детей, у большинства из которых имелись родственники, но чьё пребывание на родине было связано с бедами послевоенного времени или насилием в семьях. В 1963 г. в статусе сирот-беженцев приехало 62 ребёнка из Гонконга. Между 1980—1990 гг. количество иностранных усыновлений было невелико, например, в 1981 г. оно составило всего 36 детей [12, р. 5—8].

В 2010 г. все зарубежные усыновления из РФ приостановили из-за случаев гибели российских детей, вывезенных в США, следствием чего явилось ужесточение процедуры усыновления. Одной из поправок к ней стала передача полномочий аккредитованным агентствам. В 2011 г. Новая Зеландия выполнила это требование и усыновления из России возобновились, но уже с февраля 2014 г. их опять остановили. Теперь причина заключалась в том, что с 19 августа 2013 г. Новая Зеландия легализовала однополые браки. До этого российские дети были самой многочисленной группой в усыновлениях в эту страну, в том числе и потому, что только два государства — РФ и Индия — разрешали усыновление одиноким

гражданам. Теперь же шанс усыновить ребёнка формально потеряли все заявители — даже те, кто после двух-трёх лет прохождения юридических формальностей и установления личных контактов с детьми был уже в шаге от положительного решения. Таким образом, можно говорить, что история усыновлений из постсоветской России в Новую Зеландию к настоящему времени окончена.

В законах Новой Зеландии прописаны процедура и нормы для тех её граждан, кто желает принять ребёнка в свою семью. Есть два основных способа усыновления: домашнее / внутреннее (Закон от 1955 г.) и международное (Закон от 2007 г.). Также в 1997 г. это государство подписало Гаагскую конвенцию по международному усыновлению и на практике поддерживает нормы усыновления для иностранцев в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Шанс на внутреннее усыновление невелик: в Новой Зеландии немного сирот или тех, от кого отказались биологические родители. В 2013 г., например, под опекой государства находилось около 4 тыс. детей, половина из которых имела родственников и проживала с ними. Соответственно, спрос на усыновления в этой стране всегда был и остаётся высоким. В 2010 г., например, ожидали решения более 300 заявителей. По официальным данным 2011 г., за предшествующие пять лет на 40% снизилось и количество внутренних усыновлений, что связывалось с увеличением числа аборт, распространением контрацепции и ростом бесплодности [16, p. 44].

После распада социалистического блока первые международные усыновления начались в 1990 г. Им предшествовала информация об отчаянном положении в детских домах Румынии, появившаяся на страницах новозеландской прессы в 1989 г. Следствием сильного общественного резонанса стал рост запросов на усыновления из Румынии, что привело к появлению первого в Новой Зеландии специализированного агентства по международным усыновлениям (Intercountry Adoption New Zealand, далее — ICANZ). Агентство было основано семейной парой, ранее вовлечённой в международную деятельность по спасению детей, бродяжничавших на улицах колумбийских городов. В 1992 г. именно эта новозеландская семья усыновила первого русского ребёнка; сейчас четверо из пяти детей этой пары усыновлены из России. С помощью ICANZ за 1990—1991 гг. граждане Новой Зеландии стали приёмными родителями для 159 румынских детей. Далее, при содействии этой же службы, начались усыновления из постсоветских России (1992) и Литвы (2006), а кроме того — из Таиланда (2005), Индии и Филиппин (2007). Из РФ через ICANZ только за 1992—1998 гг. было усыновлено 327 детей. В Новой Зеландии стали возникать группы поддержки приёмных родителей, определённую помощь оказывали государственные социальные службы. В настоящее время ICANZ аккредитована как служба по размещению детей, входящая в состав департамента детства, юношества и семьи в Министерстве социального развития страны. Агентство имеет официальный сайт [10; 21; 22].

СТАТИСТИКА

Информация по зарубежным усыновлениям проходит через две государственные структуры — Департамент внутренних дел (DIA) и Иммиграционную службу (NZIS). В DIA, например, за 1990—1995 гг. насчитали 123 ребёнка из России. При этом учитывались заявления от приёмных родителей, где они указывались в качестве сопровождаемых. Поэтому не были учтены дети, ещё не являвшиеся гражданами Новой Зеландии, но уже въехавшие в неё. Кроме того, некоторые семьи могли проживать не в этом государстве: из тех же детей, например, 25 чел. в 1999—2000 гг. пребывали с родителями в других странах.

В NZIS оформляется вид на постоянное местожительство для усыновлённых детей по заявлению их новых родителей, имеющих новозеландское гражданство. Нередки случаи, когда приёмные родители оформляют вид на ПМЖ только через несколько лет после прибытия ребёнка в страну. Заявления же на новозеландское гражданство от усыновлённых детей принимаются до достижения ими 24 лет [12, р. 67—91]. Таким образом, по официальным данным этого государства нельзя определить точное количество иностранных усыновлений как в целом, так и по отдельным странам, что связано с особенностями учёта этой категории населения.

По информации ICANZ, за 1992—2012 гг. новозеландцы усыновили свыше 1 тыс. детей из-за рубежа, причём более половины — из РФ. Только за 1992—2010 гг. было усыновлено не меньше чем 670 российских мальчиков и девочек. Тогда детей привозили также из Камбоджи, Чили, Индии, Перу, Южной Африки, Таиланда, Филиппин, о-вов Тонга, Молдавии, Гонконга и даже Казахстана (расположены в порядке убывания). Интерес к иностранным усыновлениям по-прежнему высок, несмотря на то, что вся процедура может длиться до трёх лет и являться довольно дорогостоящей [21].

Общее количество усыновлённых в Новой Зеландии россиян за 1992—2013 гг., учитывая источники этой страны и данные по численности детей, поставленных на консульский учёт в российском посольстве, можно определить как близкое к тысяче человек. Возраст детей на момент усыновления варьируется от 8 мес. до 14 лет. Нижняя граница объясняется тем, что в РФ даже при отсутствии заявлений от российских граждан не разрешалось усыновление детей, находившихся в детских домах менее шести месяцев. География усыновлений представляла всю российскую территорию — от запада до востока государства.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Как уже отмечалось, в общей картине международных усыновлений место Новой Зеландии является довольно скромным. Особенно это заметно по сравнению с масштабом усыновлений российских детей в Соединённых Штатах. Например, если за 2006—2007 гг. новозеландцы усыновили 52 ребёнка из РФ, то граждане США — 5480 [1]. В 2008 г. — 8 детей и 1773 ребёнка соответственно [6]. Но, как показывают выводы

зарубежных исследований, проблемы и итоги иностранных усыновлений детей из России в разных государствах схожи. Поэтому хорошая степень обозримости новозеландских источников даёт возможность как для создания целостной картины усыновлений российских детей в Новой Зеландии, так и для характеристики её специфических черт.

В научной литературе нашей страны тема российских усыновлений в Новой Зеландии ещё не рассматривалась. Изучались общие проблемы адаптации детей за рубежом. Объектом внимания являлись те из них, кто выехал из РФ вместе со своими родителями [2; 4]. В то же время интерес к российским усыновлениям в новозеландских исследованиях является довольно заметным. Например, в 1999—2000 гг. анализировались результаты усыновлений 116 российских и румынских детей, принятых новозеландцами в свои семьи в 1990—1995 гг. Все усыновлённые из РФ были из детдомов и интернатов (из Румынии — 70% таких детей). По официальным новозеландским данным, в 1992—1995 гг. в страну въехало 123 ребёнка (по информации ICANZ — 152). Поэтому данное исследование выделяется на фоне других в первую очередь своим масштабом: была опрошена почти половина семей, в которых имелись российские дети (62 ребёнка). Все дети на начало исследования прожили в приёмных семьях как минимум четыре года. Изучались: уровень включённости детей в новозеландское общество, степень их удовлетворённости жизнью, состояние здоровья и наличие / отсутствие проблем в поведении. Были опрошены как родители, так и дети. При анализе обращалось внимание на длительность и причины пребывания детей в государственных учреждениях, их жизненный опыт до помещения в детские дома и интернаты, возраст ко времени усыновления.

87,2% российских детей испытывали удовлетворённость своей жизнью, у 94% отсутствовали проблемы со здоровьем, а у двух третьих (65,5%) — с включением в новую среду. Вместе с тем у 68% имелись, по свидетельству родителей, те или иные отклонения в поведении. Было выявлено, что последние связаны с проблемами естественного взросления детей, а не с разницей культур. Но вместе с тем обнаружилось, что у детей из РФ было больше проблем с поведением, чем у тех, кого усыновили из Румынии. В исследовании это интерпретировалось как результат травмирующего негативного опыта до усыновления, оказавшего влияние и на социализацию, и на способности к школьному обучению в новой стране [12].

Сюжеты, связанные с российскими детьми, нередки в работах и научных докладах новозеландских исследователей по теме иностранных усыновлений в их государстве в целом. Например, в 2004 г. изучались вопросы поддержания интереса к культуре страны рождения в 112 новозеландских семьях, принявших 162 ребёнка из Восточной Европы (из РФ и Румынии). Было выяснено: приёмные родители в различной степени способствовали связям ребёнка с русскоязычным сообществом — от установления персональных контактов до посещения культурных мероприятий. Во многих семьях сознательно частично или полностью сохраняли русские имена усыновлённых. Большинство детей на момент проведения

исследований имело дуальную идентичность, т.е. чувствовало свою принадлежность и к новозеландской, и к российской культуре [34].

В 2007 и 2010 гг. изучалось становление семейной привязанности в новой культурной среде между новозеландскими родителями и их приёмными детьми из России [17; 22; 23]. Были проведены интервью с шестью отцами и девятью матерями, усыновившими в 1996—2004 гг. 19 детей. Приёмные родители описывали свои стратегии поведения, анализировали успехи и неудачи. Все отмечали важность подготовки к усыновлению: посещения специальных курсов, чтения соответствующей литературы, консультаций со специалистами и уже состоявшимися усыновителями по вопросам социализации и здоровья детей. «Ты берёшь этого мальчишку, затем долго и усердно работаешь с ним и, наконец, начинает сиять солнце...», — говорил один из опрошенных [16, р. 45]. Записывались также истории усыновлений детей из РФ от их новых родителей и т.п. [18; 28; 22].

В 2012 г. исследовались взаимосвязи между российским прошлым ребёнка и его психофизическим состоянием в подростковом возрасте. В основу выводов легли материалы углублённых интервью с тремя подростками от 16 до 18 лет из РФ, прошедших социализацию в новой стране. Интервью было организовано в форме одновременной беседы в видеочате. Всего проведено восемь встреч. Задавались вопросы о пребывании детей в детских домах, переезде, об этнической идентичности и отношении к усыновлению, школьной жизни, биологических и приёмных родителях, чувстве отличия от других и т.п. Выяснилось, что всем детям были нужны любовь и чувство безопасности, все желали полностью интегрироваться в новой стране и хотели иметь позитивные отношения с приёмными родителями. Также подростки подчеркнули, что российское происхождение является важным аспектом их жизни [20].

Общий результат усыновлений новозеландские авторы рассматривают как положительный. По их мнению, культурные и возрастные проблемы оказались вполне преодолимым препятствием для приёмных семей. В меньшей степени в новозеландской историографии присутствует тема изменений в исходной культурной и этнической идентичности усыновлённых детей, хотя вопросы, касающиеся отношения ребёнка к русской культуре и языку, в разном контексте присутствовали в вопросниках исследований.

ПРИЧИНЫ УСЫНОВЛЕНИЙ И ПРИЁМНЫЕ РОДИТЕЛИ

Рассказы новозеландцев, возвращавшихся из постсоветской РФ, репортажи в местных СМИ о детях в российских детских домах, бродяжничавших на улицах, и т.п. часто являлись главной побудительной причиной для будущих приёмных родителей. Анализ биографических данных усыновителей позволяет сделать вывод: большинство из них принадлежит к среднему классу и имеет высшее образование. Нередко оба родителя или один, в случае неполной семьи, уже перешагнули фертильный возраст. Поэтому самый распространённый повод для поиска ребёнка

за рубежом — невозможность иметь собственных детей в ситуации малого шанса на усыновление в своей стране:

«Как и у других усыновителей, моей первой причиной для этого было сильное желание стать родителем. Родить своего собственного ребёнка у нас не получалось... Я считала и считаю, что каждый ребёнок заслуживает счастливого детства, не важно, какого он происхождения, имеет ли отклонения в здоровье или нет... Вы должны оставить все иллюзии — дорога будет трудной, — и вы должны быть готовы много отдавать (энергию, ресурсы, любовь, сочувствие, инициативу), если хотите добиться положительного результата» [31].

Но не менее распространена и мотивация искреннего сострадания к брошенным детям, приводящая к альтруистическому стремлению создать для них атмосферу настоящего детства:

«Россия занимает самую большую территорию в мире, представленную разнообразными природными ландшафтами — ледяной тундрой, густыми серебряными берёзовыми и хвойными лесами, глубокими и таинственными озёрами и необъятными лугами, — теми самыми знаменитыми степями, — рассказывается о России на сайте ICANZ. — Она имеет богатые традиции в литературе, балете, архитектуре и живописи; она отправила первого человека в космос... Когда вы воочию увидите старинные деревенские деревянные дома, роскошные дворцы, причудливые шпили церквей, вы сможете понять, насколько Россия поразительна. Но именно нуждающиеся дети будут тем, что по-особенному тронет ваше сердце...» [21].

Одним из самых ярких примеров альтруизма является деятельность новозеландки Рэйчел Хьюз. В 1997 г. в качестве волонтера одной из международных организаций она посетила Владивосток, где её среди бела дня попытался ограбить малолетний карманник. Это происшествие резко изменило все прежние планы Р. Хьюз. В течение месяца она на собственные средства кормила около 30 маленьких городских бродяжек. Затем вернулась домой, где организовала сбор денег на создание социального центра для бездомных детей в далёком российском городе, о котором тогда мало кто слышал в её стране. Два года на эти пожертвования и благодаря работе местных неравнодушных жителей в приюте «Живая надежда» кормили и обогревали детей от пяти лет и старше, которых подбирали на улицах Владивостока. «Это было место, — вспоминала позднее Р. Хьюз, — переполненное равнодушием и домашним насилием в отношении детей, алкоголизмом взрослых... Дети были вынуждены нищенствовать, прятаться от суровых зимних холодов в мусорных контейнерах и заброшенных зданиях, страдать от голода... Мальчики и девочки с восьмилетнего возраста становились попрошайками, занимались проституцией, употребляли алкоголь... Эта и была настоящая реальность для множества брошенных детей на улицах российского Владивостока...». В 1999 г. приют получил официальный статус детского реабилитационного центра с небольшим бюджетом и штатом из пяти сотрудников. Самыми важными проектами «Живой надежды» за первое десятилетие существования были мобильная кухня, центр дневного пребывания и детский летний лагерь [27].

ИСТОРИИ УСЫНОВЛЕНИЙ

Все вывезенные из России дети являются воспитанниками детских домов и интернатов. В Новой Зеландии из усыновления редко делают тайну. Более того, многие приёмные родители самостоятельно или при желании ребёнка стараются познакомить его со страной рождения и ведут вместе с ним поиск его биологических родителей. По этой причине информацию об усыновлённых с реальными именами и биографическими данными нередко можно встретить в местных открытых источниках. Но в настоящей работе, учитывая разницу между российскими и новозеландскими законодательными нормами в отношении тайны усыновления, не используются настоящие фамилии усыновлённых и их новых родителей, также убраны указания на точное место усыновления из РФ и адресные данные приёмных семей в Новой Зеландии. При этом все имена детей и истории их усыновлений реальные. Ниже приводится несколько таких повествований, содержание и результаты которых можно рассматривать как наиболее типичные:

Светлана. Первый усыновлённый ребёнок в постсоветский период (1992 г.). Воспитанница детского дома из северо-западной части России. Усыновлена в шесть лет семьёй из Окленда. Давно уже самостоятельна, живёт отдельно от приёмной семьи, работает в ветеринарной клинике. Новозеландские родители сохранили не только её русское имя, но и фамилию. Всё, что она помнит из прошлого, это «как её заставляли спать» и «единственный мандарин на Новый год». С 12 лет Светлана с приёмной мамой стала искать своих биологических родителей. Узнала, что её мать умерла, но остались родные брат и бабушка. В этот же год Светлана собралась в Россию на встречу с бабушкой [19].

Наташа, Сергей, Александр. Родные братья и сестра. Воспитанники детдома из центральной России. Возраст на момент усыновления — 8 лет, 4 и 2 года 10 месяцев соответственно. Приёмная семья — бездетная обеспеченная пара из Окленда (отец — бывший мэр города). Все дети получили хорошее образование и в настоящее время самостоятельны. Наталье в 2008 г. исполнился 21 год, а её братьям — 17 и 15 лет. В 2008 г. девушка работала в отделении скорой помощи городской больницы и собиралась учиться на детскую медсестру. К этому времени Наташа уже посетила родину, где узнала, что стала единственной из 40 воспитанников детского дома, кто был усыновлён. Свою жизнь в детдоме она почти забыла. А приёмный отец долго помнил их первую встречу. «Если вы заберёте меня, — не отходила от него восьмилетняя девочка, — то я буду петь и танцевать для вас всегда!» Он вспоминал возвращение с детьми в салоне самолёта бизнес-класса: «...всё, что дети хотели есть, — это были сыр и картошка, а не прекрасная еда...» [13; 3, с. 276].

Катя и Надя. Сёстры, усыновлённые в возрасте 9 и 4 лет из детдома в маленьком сибирском городе. Их биологических отца и мать лишили родительских прав. Историю Кати и Нади знают многие новозеландцы.

Об этом неоднократно писали в местной прессе, был снят документальный фильм, у семьи довольно часто берут интервью. Одна из причин такой популярности — публичность приёмной матери, члена городского совета Веллингтона. После неудачного замужества в свои 50 лет она начала процесс усыновления, за два года трижды посетила Россию, прошла несколько судов, получила отказ, потом начала процедуру его пересмотра, потратила более 50 тыс. долл. и, наконец, в 52 года стала мамой двух девочек. «Я похудела до 45 кг, и моя одежда стала спадать с меня. Я старалась не показывать всё это девочкам и говорила им, что всё прекрасно и под контролем...», — рассказывала она. Сёстры легко адаптировались к новой стране, окружённые любовью и вниманием приёмной мамы. Катя временами вспоминает о России. По словам матери, «она всё ещё и здесь, и там», но «там» для неё — это «давно и не прекрасно». Надя младше, поэтому почти ничего не помнит [9; 14].

Виктория и Владимир. Не родственники, усыновлены в 1996 г. в возрасте 17 месяцев и 4 лет соответственно обеспеченной семейной парой из столичного округа, уже имевшей одного родного ребёнка. В 2013 г. Владимир успешно окончил школу и получил профессию. В России после усыновления не был [13; 35].

Маша и Миша. Близнецы, усыновлены в 8 лет из российского детского дома бездетной обеспеченной семейной парой, уже имевшей разновозрастных приёмных детей. Годовалыми они попали в детдом после смерти матери и исчезновения отца. Приёмная мать написала книгу об историях усыновлений всех своих 9 детей, в том числе и об отношениях с Машей и Мишей. С ними приёмные родители познакомились заочно — в офисе ICANZ посмотрели 20-секундный ролик о близнецах и услышали краткий рассказ об их прошлом [18].

Большинство российских детей прибыло в Новую Зеландию с серьёзными медицинскими проблемами, расстройствами в привязанности и в поведении; они нередко страдали от последствий недоедания и имели задержки в умственном, физическом и социальном развитии. В этом плане очень показательны истории усыновлённых детей-инвалидов:

Антон. Отказник, усыновлён из психоневрологического интерната в 2,5 года. В 7 лет узнал, что является приёмным ребёнком. В 14 лет «его обуяла страсть — найти родную маму... К своим 20 годам Антон уже знал, что мама в своё время объявила его умершим, знал, что вскоре она вышла замуж и у неё родилась дочка. Антон был счастлив в Новой Зеландии, но ему очень хотелось повидать маму, сестру и понять, почему мама так поступила с ним». Поиску помогли не только приёмные родители, но и многие русские иммигранты. Через известную российскую телепрограмму «Жди меня» удалось найти его родную бабушку и двух сестёр, которых мать также бросила. «А Антон всё равно продолжает поиск и очень надеется найти хоть какую-нибудь информацию о маме...» [3, с. 278—279].

Андрей. Отказник. Инвалид: родился с аномалией скелета. Пять лет провёл в детдоме. Сильнейший перекося грудной клетки, сопровождаемый

постоянными болями, лишил его всех возможностей детства. Был усыновлён 47-летней учительницей из Окленда, не имевшей своих детей. Углублённый медицинский осмотр ребёнка сразу после прибытия в Новую Зеландию дал надежду ему и его новой матери. Стоимость лечения была огромной, журналисты подсчитали: полный курс в 24 операции стоит 6 млн долл. Газетные репортажи о ребёнке с такой патологией пробудили сочувствие во многих людях. В итоге создан специальный фонд, собраны необходимые средства. Лечение начато и будет длительным, но ребёнок уже не прикован к постели, а учится в школе и общается со сверстниками [3, с. 285—286].

Иван. Отказник. Инвалид с патологией верхних и нижних конечностей. С рождения не мог передвигаться без посторонней помощи. После усыновления ему было сделано несколько дорогостоящих операций. Встретившийся с мальчиком журналист из РФ писал: «...потрясён его кипучей энергией, его стремлением к активной творческой деятельности и знаниям... в классе под руководством учителя информатики он трудился над своей компьютерной программой. Мне он сказал, что хочет в будущем стать архитектором, приехать в Россию и построить что-нибудь красивое и уникальное... А ещё он любит петь и всегда выступает на школьных концертах с сольными номерами... Ребята из школьной футбольной команды приглашают его на ответственные игры, так как у него самый сильный и точный удар...». Иван подарил журналисту «крошечную книгу своих воспоминаний о России»: «Если я хочу показать друзьям, как холодно зимой на севере России, мы выгребаем из холодильника замороженные продукты и строим из них пещеру, а потом забираемся вовнутрь» [3, с. 286—287].

Условием успешного усыновления является способность детей к установлению привязанности к новым родителям. Эта способность сильно повреждается прежним негативным опытом, например, если над ребёнком совершалось насилие, если отсутствовал должный уход, если никто не занимался развитием и т.п. Перемещение в атмосферу заботы и любви даёт детям возможность восстановить физическое и психическое здоровье, но этот процесс может быть долгим и драматичным для всех. В этой связи усыновления можно рассматривать и по конечному результату — степени социализации ребёнка в новой культурно-языковой среде. Общий результат российских усыновлений в этом аспекте нужно признать успешным. «Неудачные» усыновления (закончившиеся гибелью ребёнка или непоправимыми физическими / душевными травмами) в Новой Зеландии чрезвычайно редки. Ниже приводятся две таких истории, связанные с детьми из РФ:

Алексей. В 2012 г. в сильно пострадавшем от землетрясения Крайстчерче по обвинению в мародёрстве был задержан некий 20-летний Келли. В ходе следствия выяснилось: Келли раньше звали Алексеем, он «родился в России; был помещён в детдом вместе с двумя братьями. Никогда не видел отца, который умер от алкогольной горячки. Мать была в заключении и воспитанием детей никогда не занималась. Все братья были усыновлены новозеландской семьёй, державшей ферму. Приёмный отец

часто применял к мальчикам физические наказания. Со временем семья продала ферму, купила дом на колёсах и стала вести кочевой образ жизни. Братьям приходилось часто менять школу, что приводило к прогулам и скандалам в семье». По словам адвоката, до задержания Алексей уже имел семь «приводов» в полицию за разные правонарушения и три «провала» с курсами реабилитации для малолетних правонарушителей. О судьбе его братьев не сообщалось. В итоге бывшего российского детдомовца приговорили к году тюрьмы в Новой Зеландии [11].

Андрей. Усыновлён вместе с сестрой из российского детского дома семейной парой из Германии, переехавшей вместе с детьми в 2000 г. в Новую Зеландию. Там приёмные родители развелись. В 2012 г. стало известно: 19-летний Андрей после двух лет заключения (отправлен в 2010 г. за квартирную кражу, угон автомобиля с его поджогом и сопротивление полиции) снова может сесть в тюрьму. Его приёмная мать считала, что такое поведение — следствие нарушения привязанности, которое произошло с ребёнком в первые два года жизни в российском детском доме. Женщина утверждала: сыну нужна не тюрьма, а медицинская помощь. По её словам, в детдоме Андрея никогда не обнимали и не улыбались ему. Там не было даже пелёнок, вспоминала она, поэтому детей после каждого приёма пищи привязывали к горшкам, чтобы они сходили в туалет. До сих пор сын не может правильно понимать людей по выражению лица и часто ведёт себя как маленький ребёнок, которого что-то постоянно беспокоит. В младшем возрасте Андрей посещал обычную школу в небольшом городке, но уже тогда был склонен к неповиновению. После переезда в Крайстчерч, как выразилась его приёмная мать, «он слетел с катушек». Уже в 14 лет имел «приводы» в местный центр для несовершеннолетних правонарушителей за разбой, а позже — за угоны автомобилей. Тем не менее женщина говорит, что никогда не бросит его, так как любит и верит, что сыну всё ещё можно помочь [23].

Практика многих усыновителей подтверждает сильное влияние событий первых двух лет жизни на будущее ребёнка. Приёмные родители утверждают: отсутствие направленной (связанной с одним или двумя заботливыми взрослыми) эмоциональной привязанности и тактильных контактов в раннем возрасте препятствует нормальному развитию мозга ребёнка, что в дальнейшем неизбежно повлияет на способность к обучению и выбору круга общения среди сверстников:

«Мы усыновили нашего сына — назовём его М., — вспоминали в одной приёмной семье в 2015 г., — из российского детского дома в 1998 г. Ему было только 18 месяцев... Сыну сейчас 17 лет. Мы были очень счастливы. У нас в семье нет тех проблем, которые могли бы появиться, если бы не он. Хотя, по моему мнению, потеря привязанности в его первые 18 месяцев жизни до сих пор имеет последствия...» [26, р. 24—27; 31].

Биографии усыновлённых из РФ и рассказы их приёмных родителей свидетельствуют: в раннем подростковом возрасте многие дети начинают испытывать своеобразное чувство культурной утраты. Оно появляется

у подростков из потребности знать, кто они такие и где их корни, возникшей в связи со становлением личности, а также провоцируемой вопросами новозеландских сверстников. Поиск ответов приводит детей к фигурам биологических родителей и интересу к культуре страны, где они были рождены:

Светлана и Алексей. Родные брат и сестра. Девочка усыновлена в 1999 г., когда ей было 4 года, обеспеченной бездетной семейной парой из Веллингтона. Через несколько лет Светлана с новой семьёй вернулась в РФ, чтобы забрать своего младшего брата. Их биологический отец был к тому времени уже мёртв, а мать до настоящего времени найти не удаётся. Девушка, которая давно использует своё новозеландское имя Мэгги, говорит, что никогда не разговаривала с биологической матерью и это причиняет ей боль. Но ей известно, как звали её русских родителей, и ещё подростком она сделала татуировки с их именами на своих запястьях: «Когда люди спрашивают меня, я отвечаю, что они оба мертвы. А я очень хочу, чтобы они были со мной, хотя бы на моих руках...». В 18 лет она вспоминала: «Я вижу вспышки. Я не знаю, воспоминания ли это или мечты о чём-то... У меня нет уверенности, что это реальность. Иногда я нахожусь вне детского дома, когда идёт снег. Тогда я просыпаюсь несчастной». «Я очень счастлива, что меня удочерили, но до сих пор всё очень непросто... Когда ты сидишь и думаешь, откуда же ты, это очень тяжело...» [13, р. 12—15].

Николай. Был усыновлён из центральной России в два года со своей сводной сестрой такого же возраста. В новой семье уже был родной ребёнок на год младше их. Документами по усыновлению занимался приёмный отец, совершивший для этого две дорогостоящих поездки в Россию. «У каждого из нас были свои испытания, — вспоминал Николай. — Наши родители стремились поддерживать хорошую и здоровую семью, а мы сражались со своими проблемами. Хотя детство моё было очень насыщенным, но я рос отшельником... У меня было мало приятелей, да и с теми отношения были несерьёзные. В общении я испытывал трудности и ощущал отчуждение от своих ровесников... Я испытывал сильнейшее чувство заброшенности и постоянно изводил себя всякими мыслями, принимая всё слишком близко к сердцу». После многих лет смятения и потерянности это состояние прошло во многом благодаря родителям, понявшим его и сообщившим мальчику об усыновлении. Николай стал активно заниматься спортом, у него появились и другие увлечения. Он и его сестра теперь позитивно воспринимают свою непохожесть и стремятся жить, не оглядываясь назад. Николай получил степень бакалавра в компьютерной графике и продолжает учиться, стремясь в будущем получить работу в местной киноиндустрии. Он уже зарабатывает себе на жизнь, убирая офисные помещения или разрабатывая различные проекты в качестве фрилансера. «Я должен много работать», — говорит Николай, который хочет когда-нибудь посетить Россию, чтобы «что-то узнать» и познакомиться с русской культурой. До сих пор он ощущает себя «экзотическим деревом на иностранной земле» [17].

Андрей. Усыновлён в 1997 г. из интерната для инвалидов. Новозеландские родители только в 14 лет сказали ему, что он приёмный и у него остался старший брат в России. С того времени главной целью Андрея стал поиск биологических родителей. Он узнал их имена и наивно и мучительно ищет объяснение решению отдать его в интернат. Понять, «почему же мама не хотела меня», хотят многие усыновлённые российские дети [7].

Чувство потери корней способно мотивировать повзрослевшего ребёнка к решительным поступкам:

Алексей Гилберт. В данном случае приведено полное имя, поскольку Алексей стал героем популярной передачи «Пусть говорят» на российском телевидении в 2015 г. Он является автором книги «Моя русская сторона», создателем сайта для усыновлённых детей и активным участником их сообществ.

Был усыновлён в 1994 г., когда ему было два года, из архангельского детского дома вместе с другим ребёнком (Андреем) такого же возраста бездетной новозеландской парой. Братья успешно окончили школу и уже живут самостоятельно. Алексей получил профессию телеоператора и работает на одном из телеканалов в Окленде. По его словам, родители никогда не скрывали от детей факт усыновления и место их рождения. В 21 год он начал самостоятельные поиски: «Мне всегда хотелось знать, что же там за „закрытыми дверями“». В документах сохранились имя и фамилия биологической матери Алексея. С помощью социальных сетей и сотрудников российской телепрограммы он сумел её найти. С паспор-

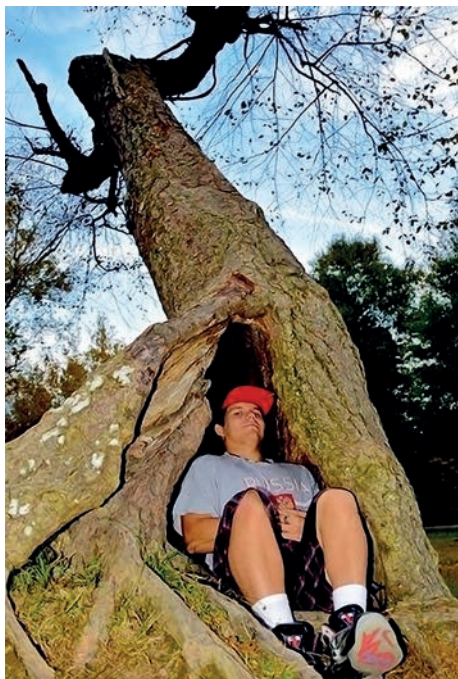

Рис. 2. Андрей [7]

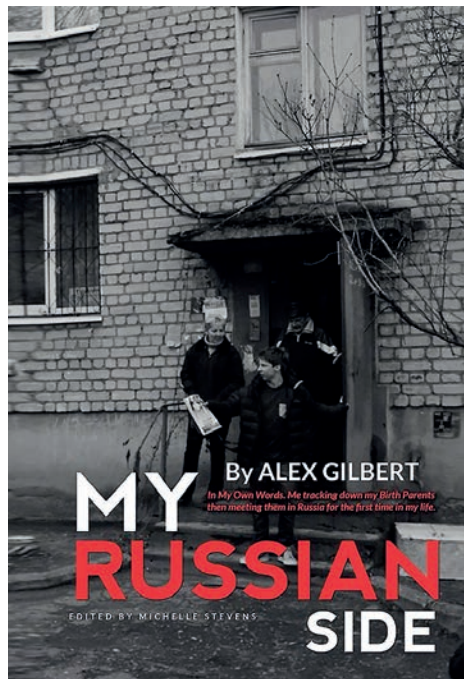

Рис. 3. Обложка книги А. Гилберта «Моя русская сторона» [8]

том ещё советского образца Алексей поехал на родину, слегка опасаясь, что его могут отправить на российскую военную службу... Первая встреча была, по его выражению, «неловкой»: «Она не знала, что говорить...». Своих детей у женщины больше не было. Выяснилось: мать забеременела в 18 лет, не будучи замужем. Имя отца в документах указала ненастоящее. Тем не менее Алексею удалось встретиться с ним и его семьёй. Оказалось, тот и не знал, что у него есть сын. После возвращения в Новую Зеландию Алексей почти ежедневно общается с биологическим отцом и сожалеет, что его мать не умеет пользоваться Интернетом [7; 8; 30].

По прибытии в новую страну первым испытанием, с которым сталкиваются приёмные семьи, являются языковые проблемы. Никто из детей ранее не говорил по-английски. На освоение нового языка в младшем возрасте достаточно от одного до трёх месяцев при условии психического здоровья ребёнка. Активному изучению способствуют общение в семьях, посещение детских игровых площадок, дошкольных и школьных учреждений и т.п. Нередки случаи, когда приёмные родители самостоятельно осваивали лексический минимум по русскому языку, чтобы помочь своим новым детям.

Гораздо большая проблема — сохранение родного языка, который у детдомовцев из РФ часто примитивен и неразвит. Эту особенность хорошо чувствовали учителя из русских эмигрантов. «Мне на протяжении жизни в Новой Зеландии пришлось встречаться с приёмными детьми в Русской школе, куда их привозили новые родители для поддержания родного языка, — вспоминает Виктория Мананова. — Это очень трудное дело и практически все, кого я знала, русский язык забыли. Надо честно сказать, что в основной массе они его и не знали. Речь маленьких детей была очень примитивна, никто с ними в детских домах в России, похоже, не занимался. Но они понимали, когда к ним обращались на русском языке...» [3, с. 276].

В ситуации отсутствия официального Русского культурного центра и государственных программ изучения русского языка в новозеландских школах желание приёмных родителей поддерживать у детей родной язык и интерес к России удовлетворяется только благодаря деятельности некоторых русскоязычных сообществ и отдельных иммигрантов. Например, Русский клуб Веллингтона постоянно приглашает семьи с приёмными детьми из РФ на свои мероприятия и праздники. В этом же регионе с 1999 г. ведёт для них бесплатные уроки русского языка и основ русской культуры Инна Палмер. Обычно раз в месяц к ней приходят до 30—40 детей и взрослых. Пока идут занятия, одни родители общаются в соседней комнате, другие же вместе со своими детьми изучают русскую культуру, историю, географию, язык. Иногда уроки проводят гости, эмигрировавшие в Новую Зеландию со всего постсоветского пространства. От них дети узнают о разных городах РФ и бывших республиках СССР. Также дети смотрят российские мультфильмы, расписывают матрёшек и т.п. Если для новозеландских родителей такие встречи — своеобразная группа поддержки, то для их детей — возможность сохранить память о родине. Приёмные отцы и матери стремятся поддержать этот интерес: следят за

российскими новостями, ищут родственников ребёнка и ведут с ними переписку, некоторые посещают РФ вместе с детьми, чтобы показать им страну рождения [3, с. 281—284; 37].

В Крайстчерче с начала 2000 г. раз в неделю с усыновлёнными детьми ведутся занятия русским языком в школьном классе при Русском культурном центре. «Процесс потери языка детьми, взятыми из детских домов, — рассказывает директор центра Анна Филлипочкина, — проходит особенно быстро, ведь с момента приезда они постоянно находятся только в англоязычной среде... За годы существования Русской школы я слышала от детей много историй о том, какой стресс они испытывали, попав в новую для них языковую среду. Мы можем только догадываться, что происходит с психикой ребёнка в это сложное для него время. Ведь все мы знаем, каких огромных усилий требует даже от нас, взрослых, „вхождение“ не только в новую языковую среду, но и в новую культуру» [5].

Первая русская школа, открытая постсоветскими эмигрантами, появилась в Окленде в 1997 г. В настоящее время уроки русского языка — обязательный элемент дополнительного образования в русских детских садах, светских и религиозных школах. Учителями являются в основном эмигранты последней волны, нередко имеющие педагогические дипломы РФ. На такие уроки приходят и российские дети из приёмных семей. Результаты разные. Например, упоминавшиеся выше Наташа и два её брата были в числе учеников первой русской школы. Но мальчики довольно быстро потеряли интерес к занятиям по родному языку, так как приехали в страну совсем маленькими и успели до появления учебного заведения освоить английский. Наташа же несколько лет упорно занималась русским языком и сама писала письма в Россию бабушке и сестре [13; 3, с. 276].

У большинства детей в силу их возраста и прежних обстоятельств жизни не была сформирована культурная память. Поэтому на фоне потери родного языка смена культурной идентичности стала практически неизбежной. Осознав, что они являются носителями иной культуры и этничности по рождению, одни начинают относиться к своему происхождению символически, а другие — «инструментально». В последнем варианте, например, это выражается в следующем: если сначала многие дети «стесняются» своего происхождения, то, повзрослев, начинают гордиться своими корнями, считая, что это придаёт им особую привлекательность в глазах сверстников.

Общее место в рассказах многих выросших детей — искренняя благодарность к приёмным родителям за своё детство. И это чувство часто усиливалось после того, как повзрослевшие бывшие детдомовцы встречались с родственниками в России. Несмотря на интерес к корням, поездка в РФ для многих из них становилась настоящим испытанием, в котором они переживали культурный шок. Страна рождения представляла перед ними как чужое государство, в котором многое казалось странным и пугающим. Для А. Гилберта, например, его родина показалась «другим миром», с которым он разговаривал через переводчика. Он испытал «лёгкий культурный шок», увидев много бедных людей. А на другом конце мира

за Алексея переживали его приёмные родители, боявшиеся, что он останется в России. Но, вернувшись через четыре дня обратно, сын сказал им: именно они являются его настоящими родителями, а Новая Зеландия — домом [7; 8]. Наташа, например, говорила о своей жизни в Новой Зеландии как о сказке и была убеждена, «что если бы её не усыновили, она бы нищенствовала на улицах...» [13, р. 15; 15]. В то же время некоторые выросшие дети сообщают о своём ментальном «раздвоении». Так, один из усыновлённых говорил, что он и его брат до сих пор чувствуют себя «странниками» на чужой земле, хотя сам уже давно женат и имеет детей. Он благодарен судьбе за своих приёмных родителей, но всё же особо подчёркивает: «Don't get me wrong, I have not been unhappy but still feel like a stranger in this land!» = «Поймите меня правильно, я был счастлив, но до сих пор ощущаю себя здесь чужестранцем!» При этом он уже побывал в России, откуда, по его словам, еле дождался возвращения [17].

ВЫВОДЫ

Усыновлённые российские дети — особая категория постсоветских иммигрантов в Новой Зеландии. До выезда из РФ все они являлись воспитанниками детских домов и специализированных интернатов, оказавшись в этих учреждениях не по собственной воле, а по одной из двух причин: либо от них отказались биологические родители и близкие родственники, либо были изъяты из неблагополучных семей. В новой стране российские дети обрели семьи и возможности для успешной жизни, но одновременно лишились того, что принадлежало им по праву рождения, — русской культуры и общения на родном языке. Несмотря на относительно небольшой вклад в общую статистику по международным усыновлениям из России, новозеландский опыт представляет собой значительный научный и практический интерес. Такие факторы, как естественная географическая изолированность страны, её англоязычная культурно-языковая среда, немногочисленность выходцев из России и их этнических объединений, создали специфические условия для социально-культурной адаптации усыновлённых российских детей. Как и в других государствах, её результаты были напрямую связаны с возрастом ребёнка на момент усыновления и состоянием его физического и психического здоровья.

По причине малого возраста культурная память усыновлённых детей являлась фрагментарной и неустойчивой. Этническая принадлежность детей официально определялась по факту их российского происхождения и первому, ещё не развитому, языку (русскому). При этом опыт жизни в РФ у большинства был негативным. Всем детям в новой стране пришлось перенести тройную нагрузку: социализацию в мире взрослых, аккультурацию в новом обществе и установление семейной привязанности к новым родителям. Причём только аккультурация состояла как минимум из трёх ступеней: языковой, поведенческой, психологической. В настоящее время

все российские усыновлённые дети — носители дуальной этнокультурной идентичности — новозеландской и российской (русской). Новозеландская идентичность является базовой, а российская — вторичной, так как в большой степени искусственно сконструирована приёмными семьями. Сознательный интерес к российскому культурному наследию напрямую связан с поиском самими детьми своих биологических родителей в период начала формирования личности. Далее исходная этническая идентичность используется ребёнком в тесной связи с социальным или культурным контекстом.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Интернет-проект Министерства образования и науки РФ, департамента государственной политики в сфере защиты прав детей. URL: <http://www.usynovite.ru> (дата обращения: 01.05.2016).
2. Маховская О.И. Соблазн эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж. М.: Пер Сэ, 2003. 144 с.
3. Новая Зеландия говорит по-русски. Окленд: Координационный Совет общественных объединений российских соотечественников в Новой Зеландии, 2013. 378 с.
4. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М.: Ин-т психологии РАН, 2001. 196 с.
5. Русский культурный центр в г. Крайстчерче. URL: <https://ruscentre.wordpress.com> (дата обращения: 01.05.2016).
6. Статистика усыновлений и отказов от детей в России и в мире на 29.04.2010 // RIA.RU: сетевое издание «РИА Новости». URL: <http://ria.ru/spravka/20100429/227818989.html> (дата обращения: 01.05.2016).
7. Alex Gilbert's Internet-site for adoptees. URL: <http://imadopted.org> (дата обращения: 01.05.2016).
8. Alex Gilbert's personal Internet-site. URL: <http://alexgilbert.co.nz/> (дата обращения: 01.05.2016).
9. Campbell R. Sisters from Siberia. A documentary [videorecording]. Wellington, N.Z.: Vanguard Films, 2009. 116 min.
10. Child, Youth and Family's Department's official Internet-site. URL: www.cyf.govt.nz (дата обращения: 01.05.2016).
11. Clarkson D. Quake burglar's sad history recounted // The Press newspaper. Christchurch, New Zealand. 15.02.2012.
12. De Jong D.K. The well-being of Russian and Romanian intercountry adoptees in New Zealand. Master's thesis: Manuscript. New Zealand: University of Massey, 2001. 256 p.
13. Dekker D. From Russia with love // Dominion Post newspaper. Wellington, New Zealand. 02.03.2013. P. 12—15.
14. Eriksen A. Russia bans adopting by single Kiwis // New Zealand Herald newspaper. Auckland. 03.08.2013.
15. From Russia, with Love // Sunday Star Times newspaper. Auckland, New Zealand. 14.09.2008.
16. Gibbs A. Parenting adopted children and supporting adoptive parents: messages from research // Aotearoa New Zealand Social work journal. Auckland. Issue 22 (2), 2010. P. 44—52.
17. Glasson N. Adopted from a Russian orphanage // STUFF.CO: информационный ресурс. URL: <http://www.stuff.co.nz/stuff-nation/assignments/my-adoption-story/9853313/Adopted-from-a-Russian-orphanage> (дата обращения: 01.05.2016).

18. Graham J. How many planes to get me? Auckland: Cape Catley, 2006. 235 p.
19. Grunwell R. People looking overseas for babies // NZHERALD.CO.NZ: информационный ресурс. URL: http://www.nzherald.co.nz/nz/news/article.cfm?c_id=1&objectid=10728735 (дата обращения: 01.05.2016).
20. Hanhee Lee. Online group discussions with adolescent intercountry adoptees in New Zealand: a qualitative investigation into their experiences: master's thesis. Manuscript. New Zealand: Auckland University of Technology, 2012. 150 p.
21. Intercountry Adoption Agency's official Internet-site. URL: www.icanz.gen.nz (дата обращения: 01.05.2016).
22. ICANZ Magazine. Auckland, New Zealand. 1991—2015.
23. Johnson J. Mother worries son will go back to jail // STUFF.CO.NZ: информационный портал. URL: <http://www.stuff.co.nz/the-press/news/7815066/Mother-worries-son-will-go-back-to-jail> (дата обращения: 01.05.2016).
24. Johnstone J. Factors influencing the attachment journey of adoptive parents with a Russian child: master's thesis. Manuscript. Dunedin, New Zealand: University of Otago, 2007. 209 p.
25. Johnstone J., Gibbs A. «Love them to bits; spend time with them; have fun with them»: New Zealand parents' views of building attachments with their newly adopted Russian children // Journal of Social work. SAGE Publications, 2012. № 3. P. 225—245.
26. Laugesen R. The children who couldn't love // Listener. Wellington, New Zealand. 21.03.2009. P. 24—27.
27. «Living Hope» official Internet-sites. URL: <http://www.livinghope.org.nz>; <http://supportlivinghope.com> (дата обращения: 01.05.2016).
28. Love has no borders — true stories of the tragedy and triumph behind intercountry adoption / ed. by R. Stace. Auckland: Howling at the Moon Publications, 1997. 263 p.
29. Macnicol K. Russian orphans make new home in Invercargill // Southland Times newspaper. Invercargill, New Zealand, 15.05.2000.
30. Newlove A. Russian adoptee shares stories // NZHERALD.CO.NZ: информационный портал. URL: http://www.nzherald.co.nz/northern-advocate/news/article.cfm?c_id=1503450&objectid=11493462 (дата обращения: 01.05.2016).
31. Reader Report. Adoption challenged my idealism // STUFF.CO.NZ: информационный портал. URL: <http://www.stuff.co.nz/stuff-nation/assignments/my-adoption-story/10337797/Adoption-challenged-my-idealism> (дата обращения: 01.05.2016).
32. Scherman R. A theoretical look at biculturalism in intercountry adoption // Journal of ethnic and cultural diversity in social work. Binghampton, N.Y. (USA): Haworth Press Inc. 2010. Vol. 19 (2). P. 127—142.
33. Scherman R., Harre N. Intercountry adoption of Eastern European children in New Zealand: parents' attitudes towards the importance of culture // Adoption and Fostering. British Association for adoption and fostering, UK. October 2004. Vol. 28 (3). P. 62—72.
34. Scherman R., Harre N. Interest in, and identification with, the birth culture: an examination of ethnic socialization in New Zealand intercountry adoptions // International social work. SAGE Publications, 2010. Vol. 53 (4). P. 528—541.
35. Stent K. Adopting from Russia with love // STUFF.CO.NZ: информационный портал. URL: <http://www.stuff.co.nz/dominion-post/capital-life/8373586/Adoption-from-Russia-with-love> (дата обращения: 01.05.2016).
36. UNICEF data: Monitoring the situation of the children and women, Russian Federation (2012) // DATA.UNICEF.ORG: информационный портал. URL: <http://data.unicef.org/countries/RUS.html> (дата обращения: 01.05.2010).
37. Полевые материалы автора за 2010—2011 гг. (Окленд, Веллингтон, Крайстчерч, Данидин).

REFERENCES

1. *Internet proekt Ministerstva obrazovaniya i nauki RF, departamenta gosudarstvennoi politiki v sfere zashity prav detei* [Internet project of Ministry of Education and Science of the Russian Federation, department of state policy of children safeguarding]. Available at: <http://www.usynovite.ru> (accessed 01.05. 2016). (In Russ.)
2. Mahovskaya O.I. *Soblazn emigracii, ili Zhenshinam, otletayushim v Parizh* [Temptation of emigration, or to women flying Paris]. Moscow, Per Se Publ., 2003, 144 p. (In Russ.)
3. *Novaya Zelandiya govorit po-russki* [New Zealand speaks Russian]. Auckland, Koordinacionnyi Sovet obshestvennyh ob'edinenii rossiiskih sootchestvennikov v Novoi Zelandii Publ., 2013, 378 p. (In Russ.)
4. *Razvitie nacional'noi, etnolingvisticheskoi i religioznoi identichnosti u detei i podrostkov* [National, ethnolinguistic and religious identity's development among children and adolescents]. Moscow, Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk Publ., 2001, 196 p. (In Russ.)
5. *Russkij kul'turnyj centr v g. Kraistcherche* [Russian cultural centre of Cristchurch]. Available at: <https://ruscentre.wordpress.com> (accessed 01.05.2016). (In Russ. / Eng.)
6. *Statistika usynovlenii i otkazov ot detei v Rossii i v mire na 29.04.2010* [Statistics of adoptions and children abandonment in Russia and in the world as of 29.04.2010]. Available at: <http://ria.ru/spravka/20100429/227818989.html> (accessed 01.05.2016). (In Russ.)
7. *Alex Gilbert's Internet-site for adoptees*. Available at: <http://imadopted.org> (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
8. *Alex Gilbert's personal Internet-site*. Available at: <http://alexgilbert.co.nz> (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
9. Campbell R. *Sisters from Siberia [videorecording] a documentary*. Wellington, N.Z., Vanguard Films Publ., 2009, 116 min. (In Eng.)
10. *Child, youth and family's department's official Internet-site*. Available at: www.cyf.govt.nz (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
11. Clarkson D. Quake burglar's sad history recounted. *The Press newspaper*. Christchurch, New Zealand, 15.02. 2012. (In Eng.)
12. De Jong D.K. *The well-being of Russian and Romanian intercountry adoptees in New Zealand. Master's thesis. Manuscript*. New Zealand, University of Massey Publ., 2001, 256 p. (In Eng.)
13. Dekker D. From Russia with love. *Dominion post newspaper*. Wellington, New Zealand, 02.03.2013, pp. 12–15. (In Eng.)
14. Eriksen A. Russia bans adopting by single Kiwis. *New Zealand herald newspaper*. Auckland, 03.08.2013. (In Eng.)
15. From Russia, with love. *Sunday star times newspaper*. Auckland, New Zealand, 14.09.2008. (In Eng.)
16. Gibbs A. Parenting adopted children and supporting adoptive parents: messages from research. *Aotearoa New Zealand Social work journal*. Issue 22 (2), 2010, pp. 44–52. (In Eng.)
17. Glasson N. *Adopted from a Russian orphanage*. Available at: <http://www.stuff.co.nz/stuff-nation/assignments/my-adoption-story/9853313/Adopted-from-a-Russian-orphanage> (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
18. Graham J. *How many planes to get me?* Auckland, Cape Catley Publ., 2006, 235 p. (In Eng.)

19. Grunwell R. *People looking overseas for babies*. Available at: http://www.nzherald.co.nz/nz/news/article.cfm?c_id=1&objectid=10728735 (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
20. Hanhee Lee. *Online group discussions with adolescent intercountry adoptees in New Zealand: a qualitative in investigation into their experiences*. Master's thesis. Manuscript. New Zealand, Auckland University of Technology Publ., 2012, 150 p. (In Eng.)
21. *Intercountry adoption agency's official Internet-site*. Available at: www.icanz.gen.nz (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
22. *ICANZ Magazine*. Auckland, New Zealand, 1991—2015.
23. Johnson J. *Mother worries son will go back to jail*. Available at: <http://www.stuff.co.nz/the-press/news/7815066/Mother-worries-son-will-go-back-to-jail> (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
24. Johnstone J. *Factors influencing the attachment journey of adoptive parents with a Russian child*. Master's thesis. Manuscript. Dunedin, New Zealand, University of Otago Publ., 2007, 209 p. (In Eng.)
25. Johnstone J., Gibbs A. "Love them to bits; spend time with them; have fun with them": New Zealand parents' views of building attachments with their newly adopted Russian children. *Journal of Social work*, SAGE Publications, 2012, no. 3, pp. 225—245. (In Eng.)
26. Laugesen R. The children who couldn't love. *Listener*. Wellington, New Zealand, 21.03.2009, p. 24—27. (In Eng.)
27. "Living Hope" official Internet-sites. Available at: <http://www.livinghope.org.nz>; <http://supportlivinghope.com> (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
28. *Love has no borders — true stories of the tragedy and triumph behind intercountry adoption* / ed. by R. Stace. Auckland, Howling at the Moon Publ., 1997, 263 p. (In Eng.)
29. Macnicol K. Russian orphans make new home in Invercargill. *Southland Times newspaper*, Invercargill, New Zealand, 15.05.2000. (In Eng.)
30. Newlove A. *Russian adoptee shares stories*. Available at: http://www.nzherald.co.nz/northern-advocate/news/article.cfm?c_id=1503450&objectid=11493462 (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
31. *Reader's Report. Adoption challenged my idealism*. Available at: <http://www.stuff.co.nz/stuff-nation/assignments/my-adoption-story/10337797/Adoption-challenged-my-idealism> (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
32. Scherman R. A theoretical look at biculturalism in intercountry adoption. *Journal of ethnic and cultural diversity in social work*, Binghamton, N.Y. (USA), Haworth Press Inc, 2010, vol. 19 (2), pp. 127—142. (In Eng.)
33. Scherman R., Harre N. Intercountry adoption of Eastern European children in New Zealand: parents' attitudes towards the importance of culture. *Adoption and Fostering*, British Association for adoption and fostering, UK, october 2004, vol. 28 (3), pp. 62—72. (In Eng.)
34. Scherman R., Harre N. Interest in, and identification with, the birth culture: an examination of ethnic socialization in New Zealand intercountry adoptions. *International social work*, SAGE Publ., 2010, vol. 53 (4), pp. 528—541. (In Eng.)
35. Stent K. *Adopting from Russia with love*. Available at: <http://www.stuff.co.nz/dominion-post/capital-life/8373586/Adoption-from-Russia-wirh-love> (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
36. UNICEF data: Monitoring the situation of the children and women, Russian Federation (2012). Available at: <http://data.unicef.org/countries/RUS.html> (accessed 01.05.2016). (In Eng.)
37. *Polevye materialy avtora za 2010—2011 gg. (Oklend, Velington, Kraistcherch, Danidin)* [Personal author's materials for 2010—2011. Auckland, Wellington, Cristchurch, Dunedin]. (In Russ./Eng.)